

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

ИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ 1PI В РУССКОМ УСТНОМ ДИАЛОГЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ С ОПОРОЙ НА РЕАКТИВНЫЕ РЕПЛИКИ¹

Блинова О. В. (o.blinova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

В статье обсуждаются русские императивные конструкции 1PI с частицами *давай(те)* и *дай(те)* и их диалогическое соседство. Для приписывания частных значений употреблению таких конструкций предлагается использовать: 1. информацию о диалогическом окружении (является ли конкретная реплика с императивом иницирующей или реактивной?), 2. информацию о наличии вербальной реакции на реплику (следует ли за репликой согласие или несогласие совершить действие?), 3. информацию об ожиданиях говорящего (ожидает ли говорящий вербальной реакции слушающего, предоставляя ему возможность «вклиниться» в паузу между своими репликами?), 4. информацию о заданной прагматической рамке коммуникативного взаимодействия. Отдельный интерес при анализе употреблений императивных конструкций 1PI представляют случаи наложения речи (которые могут возникать при несогласованной интерпретации говорящим и слушающим значения иницирующей реплики).

Ключевые слова: русский устный диалог, корпусная прагматика, императивные конструкции 1PI, смежные пары, иницирующие реплики, реактивные реплики

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

IMPERATIVE CONSTRUCTIONS 1PL IN RUSSIAN SPOKEN DIALOGUE: POSSIBILITIES FOR INTERPRETATION BASED ON REACTIVE UTTERANCES

Blinova O. V. (o.blinova@spbu.ru)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

The article deals with Russian imperative constructions 1PI with particles *davay(te)/day(te)*. There are several aspects taken into consideration for determining particular meanings to various usages of such constructions: 1. Information about conversational context (whether the utterance is an initial utterance or reactive one); 2. Information about the presence of verbal reactions to the imperative utterance (if there is a response following an imperative utterance in the form of agreeing/disagreeing to act); 3. Information about speaker's expectation (if the speaker expects a verbal reaction from the hearer, giving him/her time to say something in between the speaker's utterances); 4. Information about the given pragmatic frame of communicative interaction. The article also covers some cases of type overlapping that occur as a result of the fact that the hearer misinterprets the imperative construction.

Key words: Russian spoken dialogue, corpus pragmatics, imperative constructions 1PI, adjacency pairs

1. Введение

Принято противопоставлять ограниченный набор относительно простых морфологических и синтаксических средств, используемые для образования русских императивных форм и конструкций, многообразию приписываемых этим формам и конструкциям иллокутивных функций. Соответственно, для верной интерпретации употреблений императива необходимо привлечение речевого и социального контекста (Бирюлин 1992, 2). На трактовку императивных реплик участниками ситуации (в прототипическом случае — каузатором говорящим и каузируемым слушающим) влияют, в частности, прагматические факторы, задающие рамку конкретного коммуникативного взаимодействия (такие, как социальная дистанция между говорящими, их возраст и др.).

Побудительные реплики (в отличие, скажем, от вопросительных) нечасто анализируются в диалогическом окружении — в том числе **в связке с вербальными реакциями на них**. Между тем, наличие и характер вербальной реакции является результатом интерпретации слушающим конкретной иницирующей (стимульной) реплики в конкретной ситуации говорения. Считается, что, несмотря на «имплицитность семантического аспекта» императивных

высказываний, слушающие обычно справляются с их интерпретацией (Теория функциональной грамматики 1990, 207), хотя экспликация смысла таких высказываний и составляет известную сложность для исследователя языка (Бирюлин 1992, 2).

В настоящей статье выделяются признаки, которые можно использовать для приписывания употребленным императивным репликам частных значений. Это прежде всего признаки, характеризующую реплику с точки зрения её участия в протекании диалога (раздел 5). Применимость выделенных признаков иллюстрируется на примере реплик с императивом 1PI, взятых из речевого корпуса. Кроме того, обсуждаются конверсационно-ориентированные подходы к приписыванию элементам диалога прагматических значений (раздел 2).

Традиционно информация о предшествующих репликах привлекалась при различении фактитивной (когда говорящий каузирует слушающего совершить действие) и пермиссивной каузации (когда говорящий разрешает совершить действие, а импульс каузации исходит от слушающего). Так, (Теория функциональной грамматики 1990) для пар реплик типа «запрос-разрешение» вводит обозначение 'запросно-ответное единство'. Диалогическое соседство учитывалось и при формировании базы данных «Интонация русского диалога» (Кодзасов и др. 2006): наряду с собственно побудительными, в базу данных включались **инициирующие реплики** «запрос на побуждение» и **реактивные реплики** «положительная и отрицательная реакция на побуждение».

В западной корпусной прагматике существуют различные подходы к интерпретации элементов диалога в терминах теории речевых актов. При этом могут учитываться параметры самого интерпретируемого элемента (его лексический состав, морфологические свойства, синтаксическая структура, просодические характеристики), а также его диалогическое соседство — предыдущие и последующие реплики, см. (Jurafsky 2006, 597–603).

2. Аннотирование элементов диалога с учётом диалогического соседства

Моделирование диалога было актуально ещё на заре компьютерной лингвистики. Успешность автоматической идентификации различных 'диалогических актов' (dialogue acts, DA)² или 'речевых поступков' (conversational moves) важна для работы систем диалога «человек–компьютер», систем машинного понимания и др. Разработаны и применялись наборы тегов и схемы разметки: DAMSL, SWBD-DAMSL, SPAAC, SPAADIA, ICSI-MRDA, DATE, MALTUS (см. Weisser

² В (Jurafsky 2006, 588–589) читаем, что термин 'диалогический акт' неоднозначен. Это «**речевой акт в контексте диалога**»; используется для обозначения комбинации речевого акта и иллокутивной силы высказывания, или для обозначения речевого акта с определённой внутренней структурой, коррелирующей с его функцией в диалоге.

2015, Popescu-Belis 2008).³ Созданы инструменты для машинного аннотирования DA (SPAACy, DART). Например, в DART М. Вайсера для отождествления речевых актов используется грамматическая информация в сочетании с семантико-прагматическими маркерами — IFIDs («illocutionary force indicating devices», индикаторами иллокутивной силы, см. Searle, Vanderveken 2005).

Между тем, в 2015 году, согласно (Flöck, Geluykens 2015), всё ещё не существовало «доступных корпусов, размеченных по отдельным иллокуциям или даже иллокутивным типам».⁴ Авторы связывают «неподатливость», «трудноидентифицируемость» речевых актов с тем, что корпусная лингвистика традиционно имеет дело с подходом «от формы к функции», в то время как прагматически-ориентированные исследования требуют подхода «от функции к форме» (там же, см. также Kohpen 2015, раздел 2.2), (Jucker et al. 2008, 273).

В рамках настоящей статьи важно акцентировать внимание прежде всего на способах моделирования диалога, в которых учитывалась его конверсационная структура. Одним из центральных здесь оказывается понятие «adjacency pairs» (смежных пар), за счёт которого усовершенствовались подходы к интерпретации DA. При рассмотрении DA как члена смежной пары каждый DA рассматривается не изолированно, а как элемент последовательности типа иницирующая реплика + реактивная реплика: statement («констатация») + agreement («согласие»), request («просьба») + reject («отказ») и т.д.

Аннотирование DA в русле стандартной теории речевых актов не предусматривало бы учёт иницирующих и реактивных реплик. Понятие «смежных пар», заимствованное из практики конверсационного анализа,⁵ позволило включить в рассмотрение и левый, и правый контекст (см. Popescu-Belis 2008). Так, в схеме DAMSL были выделены уровни «forward-» и «backward-looking communicative function» (перспективная и ретроспективная коммуникативные функции) со своими наборами тегов. «Ретроспективная функция» призвана показать, как текущая реплика относится к предыдущей порции диалога (например, является ли она принятием предложения, подтверждением понимания сказанного, или ответом на вопрос), см. (Core, Allen 1997).

Важность учёта информации о наличии и качестве реактивных реплик демонстрируется и М. Вайсером, который критикует трактовку первой реплики пары

A: *Let's buy the living room furniture first*

B: *OK*

³ Некоторые схемы описания DA ориентированы на корпусы элицированных диалогов, полученных в ходе выполнения информантами определённых заданий (такие, как HCRC Map Task Corpus, Verbmobil corpus), другие — скорее на обычную разговорную речь, см. (Jurafsky 2006, 590).

⁴ «<...> there are no corpora available that are tagged for individual illocutions or even illocutionary types» (Flöck, Geluykens 2015, 9). По-видимому, авторы имеют в виду сплошную разметку в общедоступном корпусе.

⁵ Conversation analysis (CA) — подход к исследованию речевого взаимодействия, который предложили Х. Сакс, Э. Щеглофф и Г. Джефферсон. В рамках CA разговор рассматривается как речевое взаимодействие, в основе которого — механизм передачи очередности говорения от одного говорящего другому (turn-taking).

в «DAMSL annotation manual» (Weisser 2015, 97). По мнению Вайсера, реплика А должна быть проинтерпретирована не как ‘action-directive’ (директив), а как ‘suggestion’ (предложение). Соответственно, в разрабатываемой самим автором системе аннотирования DART реплика А была бы помечена тегом ‘suggest’, при этом она обладала бы формальной приметой ‘let’s imperative’.

3. Императивные конструкции 1PI в речевом корпусе

Источник языковых данных для настоящей статьи — корпус повседневной речи «Один речевой день» (ОРД), рабочий подкорпус объемом в 239 500 словоупотреблений. Подкорпус содержит преимущественно устные спонтанные диалоги между 42 информантами и их собеседниками (о корпусе см. Asinovsky et al. 2009). В составе рабочего подкорпуса выделены употребления конструкций императива 1PI, которые и стали предметом рассмотрения.

Императивными конструкциями 1PI считаются прежде всего конструкции с частицами *давай(те)*, *дай(те)* и формами будущего времени 1PI типа *давай(те)(мы) сделаем*, *давай(те) (мы) будем делать*, *дай(те)(мы) сделаем*, *дай(те) сделать*. В инвентарь конструкций включаются употребления с инфинитивом типа *давай(те) делать*, которые также традиционно трактуются как формы совместного действия.

Формы 1PI, не образованные при помощи частиц — в том числе от «глаголов однонаправленного движения» типа *пойдём(те)*, *идём(те)* (Грамматика 1980, § 1479) и от других глаголов, например, *продолжим(те)* (см. Барентсен 2003а, Кустова, 2013, Горлова, 2013), употребления форм будущего времени 1PI в значении императива в рамках настоящей статьи не рассматриваются. Разнообразные конструкции императивной зоны 1 лица с частицами *да*, *пусть*, *пускай*, *чтоб* (например, конструкции «конъюнктивного императива» типа *чтоб мы так жили*) а также, что менее ожидаемо, конструкция 1PI типа *сделаем-ка (мы)* в подкорпусе не встречаются и, соответственно, также не рассматриваются.⁶

4. Частные значения императивных конструкций 1PI

При том, что лингвисты почти не спорят относительно положительного решения о включении русских конструкций 1PI *давай(те)/дай(те) сделаем* в императивную парадигму (история вопроса изложена в Володин, Храковский, 1985, 63–65 и Гусев, 2005, 20–24; о привлечении понятия императивной иерархии Гусев 2005, 51, 237–238, о «неканоническом императиве» см. Aikhenvald 2010), приписывание таким конструкциям частных значений остаётся делом непростым.

⁶ Согласно полученным данным, зоны 1Sg и 1PI несимметричны по набору и встречаемости разных типов императивных конструкций. Так, например, конструкция 1Sg типа *сделаю-ка (я)* в рабочем подкорпусе встречается.

Традиционно конструкции с *давай(те)*, а именно *давай(те)* + инфинитив НСВ = *давай(те) делать*, *давай(те)* + форма будущего времени СВ = *давай(те) сделаем*, трактуются как 'формы совместного действия', относящиеся к совместному действию говорящего и слушающего (см., к примеру, Русская грамматика 1980, § 1479, Кустова, 2013, Барентсен 2003).

В. И. Подлеская в (Подлеская 2005), описывая результаты грамматикализации глаголов «смены владельца», говорит о существовании двух типов конструкций с *дать/давать*: «гортатива» и «пермиссива». Употребляя гортатив, говорящий ожидает санкции слушающего — **подтверждения «предположения говорящего о том, что слушающий не возражает против того, чтобы действие было осуществлено»** (Подлеская, 2005, 96). Употребляя пермиссив, говорящий **«просит слушающего или устранить препятствия, или воздержаться от того, что могло бы препятствовать действиям говорящего»** (там же).

В (Гусев 2008, 189) конструкциям, «состоящим из «частицы согласия *давай(те)* и будущего времени смыслового глагола» предложено присваивать значение **«говорящий предлагает слушающему согласиться на некое действие — самого говорящего, самого слушающего или третьего лица. При этом ожидается, что слушающий согласится, но отказ тоже возможен»**. Такие конструкции названы пропозитивными.

Важно подчеркнуть, что «гортатив» Подлеской и «пропозитив» Гусева предполагают наличие вербальной реакции слушающего (подтверждения того, что слушающий не возражает против совершения действия, или согласия на совершение действия).

5. Интерпретация императивных реплик 1P1 с учётом диалогического соседства

Для приписывания употребленным императивным реплик (в том числе употребленным императива 1P1) частных значений в рамках настоящей статьи предлагается использовать: информацию о диалогическом окружении, информацию о наличии вербальной реакции на реплику, информацию об ожиданиях говорящего и информацию о заданной прагматической рамке коммуникативного взаимодействия.

Указанные типы информации могут быть отражены в виде перечня признаков:

«ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ»

1. конструкция употребляется в составе иницирующих реплик,
2. конструкция употребляется в составе реактивных реплик,

«НАЛИЧИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ»

3. за репликой говорящего следует вербальная реакция (отрицательная: отказ, несогласие, положительная: согласие и др.),
4. за репликой говорящего не следует вербальная реакция,

«ОЖИДАНИЯ ГОВОРЯЩЕГО»

5. говорящий ожидает от слушающего вербальной реакции, делая паузу после императивной реплики,
6. говорящий скорее ожидает выполнения каузируемого действия, чем вербальной реакции на побуждение, и не делает паузы после императивной реплики,

«ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РАМКА»

7. статус говорящего внутри прагматической рамки выше статуса слушающего,
8. говорящий и слушающий внутри прагматической рамки равноправны.

Признаки 1–2 противопоставляют иницирующие и реактивные реплики. По сути, это противопоставление выражений с фактитивной и пермиссивной каузацией, сформулированное в терминах, описывающих протекание диалога. Например, в примерах (1) и (2) конструкции 1PI употреблены и в иницирующих (ИР), и в реактивных репликах (РР):

- (1) [ИР] *давайте прервёмся! *Н *П*
[ИР2] *да / давайте // *П*
[РР] *ну давайте / как раз прервёмся //*

- (2) [ИР] *давай курнём //*
[РР] *ну давай начнём большую работу / с большого перекура в нём //*

Признаки 3–4 отражают наличие вербальной реакции, которое значимо для приписывания значения иницирующим репликам. Например, в примерах (3), (4), (5) ниже представлены два основных типа вербальных реакций (согласие и отказ), а в примере (6) показан пример с отсутствием вербальной реакции. Соответственно, иницирующим репликам в (3), (4), (5) можно приписать значение пропозиitiva:

- (3) [ИР] *давай я заплачу //*
[РР] *давай //*

- (4) [ИР] *что вот это / вот это пополамим ? давай вот это располамим //*
[РР] **П ну располамай / мне всё равно чего //*

- (5) [ИР] *а если здесь есть обход / давай обойдём / потому что это же остров / он треугольный //*
[РР] *но я не хочу с... (...) именно вот (...) *П чего там по улицам *Н ?*

- (6) [ИР, врач] *давай быстренько послушаем / покажешь горлышко / и всё*
[РР, пациент, девочка] \emptyset
[ИР2, мать] **Н договаривались / всё / бегом //*

Признаки 5–6 отражают ожидания говорящего: если говорящий предусматривает следование вербальной реакции слушающего, он делает паузу, предоставляя слушающему возможность «вклиниться» между своими репликами.

Некорректная интерпретация слушающим иницирующей реплики могут диагностировать явления наложения речи, «overlaps»: когда говорящий произнёс иницирующую реплику, но не предусмотрел возможности вербальной реакции слушающего, не сделал паузу и продолжает говорить, при этом на его речь «накладывается» реактивная реплика слушающего. Например, как в диалоге военных на бытовую тему (наложения речи показаны в квадратных скобках):

- (5) [ИР, капитан] *давайте так / шесть рапортов / мне завтра тогда с утра / принести на сто... на стол // *П где-то часам (...) к девяти //*
*П [я сегодня / буду здесь ночевать / так что]
[РР, курсант] [у // угу // не проблема //]
[капитан] *я сейчас просто пойду / (...) с товарищем погуляю / *П и приду к вам //*

Признаки 7–8 учитывают информацию о прагматической рамке — наборе характеристик (таких, как социальная дистанция между говорящими, ситуация коммуникации и т. д.), которые влияют на организацию диалогического взаимодействия и интерпретацию слушающим конкретных «диалогических актов», произнесённых говорящим. Эти признаки, связанные с равновесием/неравновесием статусов, соотносятся с семантическим признаком субординации 'говорящий ставит себя выше слушающего' (Храковский, Володин, 1986, 137).

6. Заключение

Итак, в настоящей статье предложен набор признаков, применение которых позволит выделить ряд частных значений императивных конструкций 1Р1. Представляется, в частности, что предварительно стоит говорить о различении трёх значений иницирующих реплик:

«**пропозитив**» (предполагает вербальную реакцию слушающего; функционирует в парах типа [ИР] *давай(те) сделаем* [РР] *ага / хорошо / давай(те)*),

«**гортатив в узком смысле**» (не предполагает вербальной реакции слушающего; употребляется доминирующим говорящим при неравновесии статусов говорящего и слушающего, например, в диалогах учитель — ученик, врач — пациент, родитель — ребёнок),

«**фактитивный пермиссив**» (не предполагает вербальной реакции слушающего; употребляя «фактитивный пермиссив», говорящий каузирует слушающего «устранить препятствия, или воздержаться от того, что могло бы препятствовать действиям говорящего», значение см. (Подлеская, 2005, 96)).

Применимость признаков, учитывающих диалогическое соседство, для описания семантических разновидностей императива, впрочем, только предстоит проверить на материале речевого корпуса. Интересной также представляется задача поиска **стабильных формальных характеристик** императивных конструкций с различной семантикой. В (Теория функциональной грамматики 1990, 207) читаем об отсутствии у частных семантических интерпретаций императива «постоянных формальных примет», что, впрочем, «не мешает участникам побудительного речевого акта согласованно интерпретировать волеизъявление, поскольку они обладают необходимой для этого информацией». Думается, что искомыми формальными характеристиками могут стать лексические компоненты побудительных реплик из инвентаря «upgraders» и «downgraders» (см. Blim-Kulka 1984), например, модификаторы-«интенсификаторы» типа *срочно*, *быстро*, *сию же секунду*. По-видимому, различные семантические разновидности русского императива обладают разной способностью сочетаться с различными типами модификаторов.

Таким образом, актуальной представляется как задача описания внутреннего устройства определённых семантических разновидностей императивных реплик, так и задача описания их функционирования в устном диалоге на материале корпуса повседневной речи.

Литература

1. Барентсен А. (2003), О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица, в Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists (SSGL 30), Rodopi, Amsterdam-New York, сс. 1–33.
2. Володин А. П., Храковский В. С. (1985), Парадигма русского императива, в Функциональные аспекты грамматики русского языка, Тартуский университет, Тарту, сс. 62–74.
3. Горлова А. С. (2013), Гортативные конструкции в русском языке, в Десятая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, тезисы докладов, доступно на: <https://iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf>.
4. Гусев В. Ю. (2005), Типология специализированных глагольных форм императива, дисс. ... канд. филол. наук, на правах рукописи, Московский государственный университет, Москва.
5. Гусев В. Ю. (2008), Пропозитивные конструкции с *давай* в русском языке, в Русская филология 19: Сборник научных работ молодых филологов, Тартуский университет, Тарту, сс. 189–193.
6. Добрушина Н. Р. (2013), Императив, в Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>), на правах рукописи, Москва.
7. Кодзасов С. В., Архипов А. В., Бонч-Осмоловская А. А., Захаров Л. М., Кривнова О. Ф. (2006), База данных «интонация русского диалога»: побудительные реплики, в Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2006», Бекасово, сс. 236–242.

8. *Кустова Г. И.* (2013), Лицо, в *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>), на правах рукописи, Москва.
9. *Подлеская В. И.* (2005), Русские глаголы *дать/давать*: от прямых употреблений к грамматикализованным, в *Вопросы языкознания*, № 2, сс. 89–103.
10. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность* (1990), Наука, Ленинград.
11. *Храковский В. С., Володин А. П.* (1986), *Семантика и типология императива: Русский императив*, Наука, Ленинград.
12. *Шведова Н. Ю.* (гл. ред.) (2008), *Русская грамматика*, Наука, Москва.

References

1. *Aikhenvald, A. Yu.* (2010), *Imperatives and Commands*. Oxford University Press, New York
2. *A theory of Functional Grammar. Temporality. Modality* [Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность] (1990), Science [Наука], Leningrad.
3. *Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T.* (2009), The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation Principles and Annotation, in *Matoušek, V., Mautner, P.* (eds.) *TSD 2009. LNAI, Vol. 5729*, Springer, Berlin-Heidelberg, pp. 250–257.
4. *Barentsen A.* (2003), On adhortative constructions with a 1st person agent [O pobuditel’nyh konstrukcijah s ispolnitelem 1-go lica], in *Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists (SSGL 30)*, Rodopi, Amsterdam-New York, pp. 1–33.
5. *Blum-Kulka Sh., Olshtain E.* (1984), Requests and Apologies: A Cross-Cultural Study of Speech Act Realization Patterns (CCSARP), in *Applied Linguistics*, 5 (3), pp. 196–213.
6. *Core M., Allen J.* (1997), Coding dialogs with the DAMSL annotation scheme, in *Working Notes of the AAAI Fall Symposium on Communicative Action in Humans and Machines*, Cambridge, MA, pp. 28–35.
7. *Dobrushina N. R.* (2013), Imperative [Imperativ], in *Materials for the project of corpus description of Russian grammar* (<http://rusgram.ru>) [Materialy dlja proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki (<http://rusgram.ru>)], with the rights of manuscript, Moscow.
8. *Flöck I., Gelyukens R.* (2015), Speech Acts in Corpus Pragmatics: A Quantitative Contrastive Study of Directives in Spontaneous and Elicited Discourse, in *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics 2015. Current Approaches to Discourse and Translation Studies*. Springer, Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London, pp. 7–37.
9. *Fortuin E. L. J.* (2010), Explicit second person subjects in Russian imperatives: semantics, word order, and a comparison with English, in *Linguistics*, Issue 2, Vol. 48, pp. 431–486.
10. *Gorlova A. S.* (2013), Hortative constructions in Russian [Gortativnyje konstrukcii v russkom yazyke], in *Proc. 10th Conference on Typology and Grammar for*

- Young Scholars, available at: <https://iling.spb.ru/confs /rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf>.
11. *Goussev V. Ju.* (2005), A typology of specialized imperative verb forms [Tipologija specializirovannykh glagol'nykh form imperativa], unpublished PhD dissertation, Moscow.
 12. *Goussev V. Ju.* (2008), Propositional constructions with *davaj* in Russian [Propozitivnye konstrukcii s *davaj* v russkom yazyke], in Russian Philology 19: Collection of works by young philologists [Sbornik nauchnyx rabot molodyx filologov], Tartu University Press, Tartu.
 13. *Jurafsky D.* (2006), Pragmatics and Computational Linguistics, in Horn L., Ward G. (eds.) The handbook of pragmatics, Blackwell Publishing, Oxford, pp. 578–604.
 14. *Jurafsky D., Shriberg L., Biasca D.* (1997), Switchboard SWBD-DAMSL Shallow-Discourse-Function Annotation Coders Manual, draft 13, available at: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/ws97/manual.august1.html>.
 15. *Kodzasov S. V., Arkhipov A. V., Bonch-Osmolovskaia A. A., Zakharov L. M., Krivnova O. F.* (2006), Database “Intonation of Russian Dialogue”: imperative utterances [Baza dannykh “Intonatsiya russkogo dialoga”: pobuditel'nye repliki], in Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2006” [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2006”], Bekasovo, pp. 236–242.
 16. *Kohnen T.* (2015), Speech acts: a diachronic perspective, in Karin Aijmer and Christoph Rühlemann (eds.), Corpus pragmatics: A handbook, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 52–83.
 17. *Kustova G. I.* (2013), Person [Litso], in Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>) [Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki (<http://rusgram.ru>)], with the rights of manuscript, Moscow.
 18. *Podlesskaya V. I.* (2005), Russian verbs *dat'/davat'*: from the direct to grammaticalized usages [Russkie glagoly *dat'/davat'*: ot prjamyh upotreblenij k grammatikalizovannym], in Issues in Linguistics [Voprosy yazykoznanija], № 2, pp. 89–103.
 19. *Popescu-Belis A.* (2008), Dimensionality of dialogue act tagsets: An empirical analysis of large corpora, in Language Resources and Evaluation, Vol. 42, Issue 1, pp. 99–107.
 20. *Searle J. R., Vanderveken D.* (2005), Speech Acts and Illocutionary Logic, in Vanderveken D. (ed.) Logic, Thought and Action, Springer, Berlin, pp. 109–132.
 21. *Shvedova N. Yu.* (ed.) (2008), Russian Grammar [Russkaya grammatika], Science [Nauka], Moscow.
 22. *Volodin A. P., Xrakovskij V. S.* (1985), Paradigm of Russian imperative [Paradigma russkogo imperativa], in Functional aspects of Russian grammar, University of Tartu, Tartu, pp. 62–74.
 23. *Weisser M.* (2015), Speech act annotation, in Karin Aijmer and Christoph Rühlemann (eds.), Corpus pragmatics: A handbook, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 84–113.

24. *Xrakovskij V. S., Volodin A. P. (1986), Semantics and typology of imperative: Russian imperative [Semantika i tipologija imperativa: Russkij imperativ], Science [Nauka], Leningrad.*

Сокращения и условные обозначения

- DA — dialogue act (диалогический акт)
Г — говорящий
С — слушающий
ИР — иницилирующая реплика
РР — реактивная реплика
СВ — совершенный вид
НСВ — несовершенный вид
*В — вздох
*П — пауза
*С — смех